

СООБЩНИКИ

ДАРИЯ МОРЕТТИ

Дария Моретти

Сообщники

«Автор»

2026

Моретти Д.

Сообщники / Д. Моретти — «Автор», 2026

«Я убила своего преподавателя. После этого моя жизнь изменилась навсегда.» Переехав из Италии в престижный университет Олдхарбор, Людовика Росси мечтала о новой жизни. Но вместо лекций и вечеринок она оказалась в центре кошмара. Её преподаватель психологии, профессор Хейс, обаятельный и уважаемый семьянин, скрывает чудовищную тайну. Он выбрал Людовику в качестве своего ассистента. Она не знала, что за фасадом идеального профессора скрывается вторая личность — хищная, агрессивная и смертельно опасная. Когда Хейс заманивает её к себе домой под предлогом работы, Людовика понимает: на кону её жизнь. Она вынуждена бороться, и эта борьба приводит к трагедии. Теперь четверо студентов — Людовика и её верные друзья — связаны общей тайной. Смогут ли они сохранить её, когда на них начинается охота, а прошлое профессора Хейса оказывается ещё страшнее, чем они могли представить? Психологический триллер о травме, дружбе и цене, которую мы платим за выживание.

© Моретти Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
1	6
2	9
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дария Моретти

Сообщники

Пролог

Я убила своего преподавателя. После этого моя жизнь изменилась навсегда. Когда меня спрашивают о студенческой жизни, люди ждут рассказы о бессонных ночах перед экзаменами, жалобы на мозоли на пальцах после написания сотни страниц конспектов, вечеринки и прочие атрибуты среднестатистического студента. Разумеется, многие из перечисленного у меня присутствовали. Если бы не профессор Хейс, она была бы действительно такой.

Дорогой читатель, в следующих главах я подробно истолкую первый и последующие курсы в университете Олдхарбор, штат Новая Англия, но для начала предыстория.

Я родилась в Болонье, и всё моё окружение поступило, или пыталось поступить, в Болонский университет. Но именно этого окружения я избегала. Всю свою жизнь я верила в своё личное проклятье. Приличное название я ему так и не придумала, но всегда, когда я о нём рассказываю, оно звучит примерно «судьба посылает мне не тех людей». Поясню. Каждый раз, находясь в какой-то очередной компании, я верила: вот они, настоящие друзья! Но потом происходят следующие действия: «я забыла про твой день рождения», «я поцеловалась с твоим парнем», «мы не гуляем с тобой, потому что ты живёшь далеко» и прочее. Токсичные мерзкие люди преследовали и душили меня. Мне не хватало кислорода. Мне не хватало людей, которые могли бы разделять со мной мои любимые увлечения: приготовление томатного соуса, обсуждения только что прочитанной книги или просмотренного сериала. Зачастую темами разговоров моих друзей были отношения, осуждение какой-то девушки, которая просто вызвала неприязнь и всё. Я не могла больше этого терпеть. Я хотела перемен.

Однажды, гостив у бабушки, по моему мне тогда вот вот исполнялось пятнадцать, я узнала о существовании университета Олдхарбора, где училась Нонна Алессандра. Она часто рассказывала мне о своей студенческой жизни с такой теплотой. К сожалению, сразу после выпуска она вышла замуж за моего дедушку, и Нонна получила статус *casalinga* — домохозяйка. В тот день я пообещала ей не повторить её ошибок, получить достойное образование и стать успешным специалистом в своей сфере.

Моя цель выглядела вполне достижимой, не считая одной проблемы — языка. Английский у нас в школе как такового не преподавали, за все школьные годы я узнала только приветствие и названия нескольких фруктов. Мне хотелось говорить на английском также, как и на итальянском, как на родном. Нонна согласилась помочь мне в этом. Каждый день я приходила к ней после школы и занималась: учила грамматику, переводила длинные тексты, потом приходила домой и смотрела в оригинале фильмы и сериалы. В общем, я была полностью погружена в этот язык.

Спустя три года я успешно подтвердила уровень B2, которого было достаточно для поступления. Единственное, отчего у меня не получилось избавиться — это акцент. Конечно, после двенадцати лет жизни в Соединенных штатах его практически не слышно, но когда я вспоминаю первый курс, смех одноклассников, краснота на лице так и появляется.

Перед переездом я мысленно попрощалась со всеми людьми, которые сделали мне больно. Сделала последний раз пасту с Ноной. С болью в сердце я предвкушала новую жизнь.

1

Старый, измученный временем автобус приближался к городу Олдхарбор, куда съезжались студенты со всего мира. С июня до середины августа это место пустело, но ближе к осени десятки машин и автобусов приезжали в общежитие, которое располагалось в паре километров от университета.

Я слышала много историй, связанных со студенческим домом, думаю, в данном словосочетании есть доля романтики, из-за чего я представляла себе милый уютный пятиэтажный домик, пахнущий цветами, свежестью и наполненный трудолюбивыми студентами. Но как только автобус, на котором я ехала три часа с отсутствием сплит-системы, начал подъезжать к долгожданному зданию — типичная «стекляшка» 70-х годов постройки, недавно отремонтированная —, моё итак измученное жарой лицо ослепило. Я решила отложить осмотр здания на потом, мне просто хотелось принять душ и избавиться от этого ужасного запаха.

Мне всегда доставляло удовольствие принятие ванны. Для меня это был ритуал очищения, в прямом и переносном смысле. После нанесения всех уходовых средств, я приняла решение ознакомиться с моей комнатой. К счастью для меня, она включала в себя две узкие спальные кровати, грубо говоря, помещение было разделено пополам, у каждой жительницы был свой деревянный рабочий стол у панорамного окна, выходящее на наполненный зеленью внутренний двор, стул со спинкой, довольно вместительный шкаф-купе и маленький холодильник, который нужно было заполнить. Меня полностью устраивало количество мебели. Я была очень рада проживать здесь ближайшие пять лет. Стены были покрашены в серую краску, пол был покрыт светлым ламинатом. Ванная комната включала в себя душевую кабину, на удивление белоснежный унитаз, а также небольшую раковину, над которой висело прямоугольное зеркало.

Разложив по полочкам одежду, обувь и прочие принадлежности, я отправилась за продуктами и канцелярией в магазин, который находился на другом конце города, поэтому мне пришлось снова садиться в автобус. Подойдя к остановке я написала маме: «Позвоню в восемь часов по моему времени», одела старые проводные наушники и включила плейлист понравившихся песен. Автобус не появлялся пятнадцать минут, поэтому было принято решение пойти на своих двоих.

В самом центре города располагался сам университет, который делился на два кампуса: Старый (готическое здание, напоминающий издали дворец Дракулы) и Новый (стеклянно-стальная постройка, отражающая солнечные лучи). Я очень ждала следующий день, чтобы осмотреть эти здания изнутри.

Когда я вернулась обратно в свою комнату, там находилась девушка, моя соседка, о которой предупреждала ключница. В Италии я никогда не встречала таких. Её кожа была почти прозрачной, особенно это ощущалась на фоне её черных смолистых густых волос, возможно крашенных, собранные в идеальный низкий пучок. Эта прическа очень подчеркивала высокий гладкий лоб. Глаза девушки были стальными, похожие на Новый кампус, взгляд оценивающий. Нос идеально прямой, слегка вздёрнутый, маленький, я даже ей в этом позавидовала, ведь у меня, к сожалению, он довольно большой, типичный римский нос. Я также отметила её высокий рост, она примерно на голову была выше меня.

— Привет! — с волнением в голосе сказала я, — Меня зовут Людовика Росси, надеюсь мы поладим.

— Хлоя Вертер, — её строгий взгляд изменился на более дружелюбный, она протянула мне свою бледную ладонь с худыми длинными пальцами. — Ты, должно быть, из Италии. Мне нравится твой акцент.

Я покраснела. Неужели он настолько замечен?

— Ты права. — С осторожностью ответила я.

— Всегда хотела там побывать, но ближайшие лет десять это вряд ли произойдет. Ты на кого учишься? — Сказала Хлоя с улыбкой.

— Клиническая психология.

— Так и знала, что твоя специальность связана с этой наукой. Я заметила старый учебник по общей психологии у тебя на столе. — Она указала на синюю толстую книгу, лежавшую на углу моего письменного стола.

— Ты весьма наблюдательна. А что насчет тебя?

— Лечебное дело. Мечтаю стать хирургом. Хочу доказать, что эта профессия достойна и женщин. — С гордостью заявила она.

— Успехов тебе. — После сказанного мне показалось, что мои слова прозвучали без какой-либо искренности. Я мысленно свалила всё на мою смущенность, ведь это был мой первый, довольно продолжительный диалог с иностранцем.

— Взаимно. Не хочешь пойти вместе со мной во двор, там меня ждут мои друзья. Иметь знакомых вреди студентам штука полезная, — предложила Хлоя.

— Я не против, — в моей голове началась настоящая буря положительных эмоций, которые мне чудом удалось скрыть.

Задний двор представлял собой небольшой квадратный парк с несколькими тридцатилетними деревьями, вид которых я так и не смогла определить, поскольку в ботанике я была очень слаба. О возрасте растений я узнала от Хлои. Как оказалось, она учится на втором курсе, изначально снимала студию в соседнем городе, но благодаря успешной учёбе получила возможность проживать в общежитии, чему была очень рада. Мы сели на одну из деревянных скамеек и дожидались появления друзей моей соседки. В моей голове был образ двух девушек, таких же эрудированных как и Хлоя. Но моя чуйка подвела меня.

Это оказались два парня, они, как и Хлоя были второкурсниками. Честно, до сих пор задаюсь вопросом, как абсолютно разные миры подружились и чуть ли не стали семьёй друг для друга. На моём горьком опыте люди с совершенно разными ценностями и восприятием мира не совместимы. Лично меня никогда не интересовали частые и порой надоедающие рассказы одной из подруг о своих интрижках и прочих романах. Мне всегда хотелось найти собеседника для обсуждения кинематографа, литературы, искусства или даже вопросы конспирологического характера. Вся надежда была на Америку.

Первым парнем, на которого я обратила внимание был Ноа Картер, он, по моему мнению, немного выделялся из этой троицы. Как выяснилось позже, он учится на режиссёра, мечтал стать «звездой Голливуда». В тот вечер он был одет в потрепанную кожаную куртку, джинсы, которые явно были ему велики, выстиранную футболку, которая когда-то была белого цвета, а сейчас в ней присутствовал скорее сероватый оттенок. Его волосы были ярко рыжими, растрепанные, некоторые пряди свисали, еле касаясь каштановых густых бровей. Лицо было покрыто веснушками, словно ночное небо в инверсии. Глаза зелёные, намного темнее моих, постоянно бегали, словно ловили идеальный момент для дальнейшего использования в фильме. Нос был с легкой горбинкой, будто его когда-то ломали. Губы тонкие, обветренные. На подбородке красовался небольшой шрам, который Ноа не пытался скрывать. В целом, черты лица нельзя было назвать грубыми, при первом впечатлении казался очень милым и спокойным. Телосложение сразу было трудно определить, но спортсменом его было сложно назвать.

Другой парень был слегка ниже Ноа, но тоже высоким. Представился Оскаром Маргери. Он был похож на богатенького студента, нарцисса, который меняет девушек как перчатки. Но в ходе диалога моё мнение о нем изменилось. А ведь правильно говорят: не суди человека по обложке. Это был коротко подстриженный брюнет с прямой чёлкой, добрыми карими глазами с зелеными вкраплениями ближе к зрачку, сильными руками, возможно, он занимался теннисом или греблей, ухоженными ногтями и прямым носом. Одет он был в белое поло и коричневые

брюки. Родители заставили пойти его на юриспруденцию, продолжать семейное дело. Сам он хотел стать музыкантом, но его отец называл эту страсть к музыке глупым увлечением, поэтому вместо выступлений с группой Оскар ходил с ним на суды.

Троица, как они себя называли, пригласили меня в местную кофейню, на что я согласилась. Она находилась на узкой улице, недалеко от общежития, и носила название «Горгона». Интерьер был эклектичным: бархатные баклажанные диваны, стулья, которые будто забрали по одному из каждого уголка мира, измученные временем столы, стены, завешанные картинами студентов и плакатами давно отыгранных концертов, а на полу — старый бабушкин ковёр.

В ходе диалога я немного узнала об университете, традициях и прошлых безумных студенческих вечеринках. Но это было только разогревом. Ноа упомянул мистера Хейса, его голос в тот момент стал тише.

— Может ещё не время говорить ей про него? — настороженно сказал Оскар.

— Она всё равно с ним столкнется, он всё таки преподаватель по психологии, — заметила Хлоя, — Ноа, продолжай.

— Так вот, студенты зовут его «Гумберт». Ты читала «Лолиту»?

Я была в недоумении.

— Разумеется читала. Вы намекаете, что у этого мистера Хейса есть любовь к несовершеннолетним?

— Не совсем. Без понятия кто придумал эту кличку, но в ней есть доля правды. Ему действительно нравятся помладше.

Мои глаза стали заметно шире. В этот момент официант, внешность которого я не запомнила, поскольку была крайне ошарашена услышанным, принёс напитки. Я взяла себе эспрессо, Хлоя решила насладиться малиновым чаем, Ноа из вредности к кофе заказал матчу, а Оскар — капучино, что вызвало у меня ещё больший шок.

— Оскар, в Италии я бы воздержалась от столь позднего употребления этого напитка.

— А в чем проблема? — с недоумением спросил парень, подняв тёмные густые брови.

— В моей стране этот напиток считается утренним.

— Ого, я не знал.

— Людо, я же могу тебя так называть? Ты ещё не видела, как он ломает спагетти. — дружелюбно сказал Ноа.

— Что ж, это поправимо, — после тяжёлого вздоха сказала я, — так что с этим преподавателем?

— Ах, да! — Ноа коснулся ладонью до своего лба. — Так вот, про него очень много слухов говорили. Моя одноклассница однажды видела, как он обнимал одну из студенток. Я конечно не осуждаю большую разницу в возрасте, если это никак не связано с нарушением закона, но когда тебя дома ждёт любимая, как он всегда говорит, жена и двое спиногрызов, стоит задуматься.

— Вот оно что.

— Конечно, слухи — не самый правдивый источник информации. Никаких доказательств, кроме слов не было. Я считаю, что он просто неприятный тип. В нём начал просыпаться старческий маразм. — Подключилась к диалогу Хлоя.

— В любом случае, Людо, будь начеку. — сказал Ноа.

— Хорошо.

Оскар плавно перевел тему, и больше загадочный преподаватель в диалоге не упоминался.

Парни проводили нас до общежития и пошли к себе в квартиру, которую вместе снимали. Перед сном я позвонила родителям и пересказала им свой день. После моя голова коснулась подушки и я уснула мёртвым сном.

2

Последние недели августа пролетели незаметно, но продуктивно. Я проводила много времени с Хлоей, она была очень добра ко мне: показала мне университет, который внутри выглядел намного величественнее, чем снаружи. Особенно мне запал в душу Старый кампус. Я чувствовала себя принцессой, заточенной в замке на несколько учебных лет. Там находились факультеты гуманитарных наук, права и администрация. Коридоры длинные, темные, с дубовыми панелями до середины стены. Выше — окрашенная в грязно-бежевый цвет штукатурка. Под ногами кричал паркет. Портреты бывших деканов и почётных профессоров в тяжёлых рамах будто следили за студентами взглядом.

В один из дней по дороге в библиотеку я обнаружила портрет профессора Хейса. Он был одет в шоколадный пиджак, волосы густые и темные, на висках отчетливо была видна седина. У него был высокий лоб с несколькими длинными полосками морщин, брови достаточно толстые. Цвет глаз на портрете было трудно определить, в голове я представила его кареглазым. Также я заметила подозрительно дружелюбную улыбку, которая показывала идеальные белоснежные зубы. В тот момент мне даже пришла мысль о недостоверности слухов, которые были услышаны ранее.

Наступил долгожданный учебный день. Первая лекция по психопатологии была с профессором Рид, милая на внешность старушка, которая после каждого предложения говорила «Да?», что иногда отвлекало и раздражало. Ещё она постоянно кашляла, я переживала, что с минуты на минуту у неё случится инсульт. Говорила профессор очень быстро, поэтому я всегда записывала её лекции на диктофон.

Следующая лекция была с профессором Хейсом. Он опоздал на несколько минут, в аудиторию под номером 301 вошёл бесшумно, словно крадущийся хищник. Затем поднял глаза, которые оказались небесно-голубыми, и провел взглядом каждого, а после улыбнувшись представился:

— Добрый день, уважаемые! Готовы погрузиться в психологию? Меня зовут Джонатан Хейс, я буду преподавать у вас общую психологию два семестра. Надеюсь, мы найдем общий язык, — говорил он медленнее, чем профессор Рид, старался, чтобы каждый вник в его изречение.

Затем он попросил открыть учебники и законспектировать около тридцати страниц, а после показать конспект ему лично. Озвучив задание, ему зазвонил телефон, и я заметила в его лице лёгкий испуг. Профессор Хейс испарился из аудитории. Все проводили его взглядом, а затем уткнулись в ноутбук, где находился учебник. Параллельно конспектируя, я предполагала, что его могло испугать, но к логичному решению так и не пришла. Через пол часа профессор Хейс вернулся, теперь он выглядел более облегченным.

— Ну что? Кто-нибудь готов? — сказал он своим низким и слегка грубым голосом.

Я медленно и неуверенно подняла руку. Профессор указал мне рукой на стул рядом со столом, за который он присел. Я быстро спустилась с шестого ряда и присела на старый деревянный стул, на сиденье которого торчали маленькие кусочки дерева, которые в любой момент могли оставить стрелку на моих черных капроновых колготках. Я не спеша протянула ему тетрадь с серой обложкой, в которой было исписано около десяти страниц.

— Почему так мало? — спросил он, не поднимая глаз, листая конспект.

— Краткость — сестра таланта, — сказала я.

— Это нельзя связывать с моим предметом. С следующий раз пишите подробнее. — Он поднял голову и посмотрел прямо мне в глаза, теперь они были синими, мне стало некомфортно. — Свободны. Следующий!

После лекции у меня остался небольшой осадок, но он быстро смылся после того, как я встретила Оскара, который направлялся в столовую.

— Привет, Людовика, как тебе первый день? — сказал он с радостью в глазах.

— О, привет, пока что адаптируюсь. Всё таки обучение на другом языке намного тяжелее.

— Я уверен, ты привыкнешь. Ты голодна? — спросил Оскар.

— Очень, я бы с удовольствием отведала пасты!

— Хочу тебя огорчить, но здесь её не делают. По крайней мере я за год обучения тут ни разу не видел, — сказал он опустив глаза.

— А чем тут кормят тогда? — с недоумением спросила я.

— Сэндвичи, салаты...

— Так вот почему тут все такие худенькие!

В столовой нас уже ждали Ноа и Хлоя, они сидели на самом дальнем четырехместном столике вдали от окна. Парень что-то очень эмоционально рассказывал моей соседке по комнате, активно жестикулируя, что меня всегда в нём завораживало. Он опять был одет в кожаную куртку и джинсы, а Хлоя — в голубую рубашку с длинным рукавом и черные брюки. Она смотрела на него строгим, немного уставшим взглядом, иногда кивая.

— Привет, ребята! Ос, Людо, как прошёл учебный день? — восторженно сказал Ноа.

— Меня ждет бессонная ночь, — тоскливо ответил Оскар.

— Меня тоже, буду всю ночь расшифровывать лекцию Рид. Мне кажется из неё вышел бы неплохой рэпер.

Все улыбнулись.

— Кстати о бессонной ночи! Меня Лиззи позвала в клуб на этих выходных. Вы тоже приглашены, — сказал Ноа.

— Я, пожалуй, пас, — сказала Хлоя, — мне нужно учить анатомию.

— Хлоя! Ну давай!

— Правда не могу, в понедельник зачет, — расстроено сказала она.

— Ты же не хочешь, чтобы Людо шла на вечеринку одна? — улыбнувшись сказал Ноа.

— А если субботу днём мы будем заниматься повторением, вечером — вечеринка, а воскресенье — день отрезвления? — предложил Оскар.

— Неплохая идея! Если что я тоже помогу, мне очень интересно, — сказала я.

— Королева вечеринок Хлоя Вертер возвращается! — захолопал в ладоши Ноа.

— Уговорили, но это будет моя последняя вечеринка. Не хочу как в прошлый раз.

Позже я узнала, что год назад она, напившись, флиртowała с барменом, которого она считала не очень привлекательным. Потом на протяжении месяца он бегал за ней по университету, пока Хлоя не призналась ему в том, что во время того диалога она была не в себе. До сих пор ей стыдно.

Дни были цикличными: учеба, дом. Одни и те же крики ворон за окном в пять утра, наверное, они так здоровались с Хлоей, которая всегда в это время выходила на пробежку. Один и тот же эспрессо в забитой сонными студентами кофейне с кисловатым вкусом. И так каждый день. Общий язык с одногруппниками я так и не смогла найти. Возможно, это было связано с моим акцентом, может их не устроил мой внешний вид. Понятия не имею.

На неделе было ещё одно занятие с Хейсом, он похвалил меня за мой ответ. Я заметила, что одна из одногруппниц строила ему глазки. Она смеялась на полтона выше, чем требовала шутка, и постоянно поправляла волосы. Старый, как мир, университетский ритуал. Скорее всего именно это и послужило причиной слухов. За две лекции я не заметила ничего подозрительного. Препод и препод.

В субботу мне не удалось поспать на три часа дольше, поскольку меня разбудил будильник по имени Хлоя. Она была в чёрной ночнушке и собранными в косу волосами, а в руках держала атлас и тетрадь по анатомии.

— Думаю, стоит начать с опорно-двигательной системы, — с улыбкой сказала она.

— Давай хотя бы кофе выпьем для начала! — неохотно вставая с кровати сказала я. Посмотрев на часы я тут же взбодрилась, — четыре утра!

— Повторять очень много, поэтому я решила, что чем раньше, тем лучше. Парни должны прийти с минуты на минуту, — она протянула мне мою расческу, — нужно успеть привести себя в порядок.

Я взяла черную расческу и начала приводить в порядок свои непослушные короткие волосы, которые я планировала отрачивать. После я пошла умываться, затем закапала себе глаза, которые в последнее время очень часто сохли, скорее всего от частого напряжения за ноутбуком, и одела очки для чтения с прямоугольной оправой.

В дверь постучали. За ней я слышала голос Ноа, но речь было разобрать сложно. Я открыла им и шёпотом сказала:

— Вы хотите разбудить соседей?

— Я тут не причем, честно, это всё Ос! — он хлопнул Оскару по плечу. — Ну прости, братишка, ты же знаешь мой юмор!

— Мы купили кофе. Удивительно, что кофейня работает в такое время. — Оскар протянул мне капхолдер с четырьмя стаканами, которые были подписаны нашими именами.

— Мы взяли тебе капучино, а Хлое зелёный чай, угадали? — Сказал Оскар.

— Да, — сказала я и Хлоя.

Я достала из шкафа четыре шоколадных кекса, которые купила в пекарне накануне. Позавтракав, мы приступили к изучению анатомии.

Время пролетело незаметно. Не думала, что у нас получится повторить всю анатомию за десять часов. Когда очередь дошла до нервной системы, мы хотели сдатьсь, но Хлоя настояла на своем. Пожалуй, эта тема была самой сложной. Позже когда я взглянула на часы, я оторопела: время было пять часов вечера, самое время собираться на вечеринку. Я одела свои любимые замшевые коричневые сапоги до колен, каштановое мини платье с рукавами и сделала лёгкий смоки. Хлоя выбрала кожаную черную юбку, бордовый лонгслив и лабутены, о которых я так сильно мечтала. Парни были одеты в джинсы и поло, что удивительно для Ноа, он впервые был без куртки.

Через два часа мы были на месте. Этот клуб находился недалеко от магазина, в который я всегда ходила. На улице было прохладно, поэтому сверху на мне был твидовый пиджак. Биты и смех были слышны снаружи. Это была моя первая в жизни вечеринка. Я немного волновалась.

Помещение было заполнено людьми. Студенты, которых я видела каждый день, приличных, вежливых, сегодня зажигали не по-детски. Алкогольные коктейли были в руках у каждого, даже диджея, который уже был не в состоянии переключить песню, поэтому его место заняла Лиззи — подруга Ноа. Не знаю, были ли они в отношениях или нет, но он ей явно нравился, что очень бесило Хлою. Глаза не врут.

Я решила взять инициативу в свои руки и позвала на танцпол Хлою и Оскара, пока Ноа отошёл пообщаться с Лиззи. Музыка попала в кровь. Тело начало двигаться в такт. Мы веселились втроем, шутили, смеялись. Оскар специально неуклюже двигался, что я с Хлоей за животы хватались от смеха.

Через час я решила пойти в туалет. Хлоя и Оскар остались у бара сторожить место. Я направилась в дальний туалет, где было меньше очереди. Но увиденное меня парализовало: профессор Хейс и какая-то блондинка, которую я пару раз видела в университете. Он грубо целовал её, одна рука была на её узкой талии, а другая — на её оголенном бедре. В моей ладони очень удачно оказался телефон, я решила, что это знак. Чутьё словно тогда подсказало мне, что это необходимо. Камера. Мотор. Съемка. Я снимала очень осторожно, чтобы меня не заметили. Руки слегка тряслись, в животе чувствовался холод. Десять секунд посчитала вполне достаточными.

Когда я вернулась к барной стойке, в компании Оскара и Хлои уже был Ноа.

— Ребят, нужно отойти, — мой голос дрожал. Я до конца не верила, что все слухи оказались правдой.

— Людо, всё в порядке? — спросил Ноа.

— Сейчас всё увидите.

Мы вышли на улицу. Было очень холодно и сыро. Увиденное шокировало троицу.

— И что мы будем делать? — Спросил Оскар.

— Конечно расскажем декану! Доказательства имеются. Жену с детьми только жалко. — сказал Ноа.

— Сейчас не время. Нужно подождать. У Людовики могут возникнуть проблемы, если его не уволят. Он итак к ней неровно дышит, — возразила Хлоя, — помните Мэг? Её отчислили после того, как она пожаловалась декану на преподавателя по латыни за то, что он занижал ей оценки и унижал при всех. Но она не знала, что они брат и сестра, фамилии только разные, декан Митч замужем.

После этой вечеринки моё отношение к Хейсу сильно изменилось. Я стала искать подвохов во всем: взгляды, «случайные» прикосновения. Я жила целый месяц, как на минном поле.

В октябре произошло событие, о котором в будущем я сильно пожалею. Была очередная лекция профессора Хейса. Он как обычно опоздал, а когда вошёл, громко постучал ладонью по столу, привлекая к себе внимание, которое в тот момент он так хотел получить, а после сказал следующее:

— Доброе утро, хочу сообщить вам всем о том, что мне выпала возможность выбрать одного из вас в качестве ассистента в моём исследовательском проекте. Я долго думал над идеальным кандидатом. Это будет Людовика Росси. Вы не возражаете?

Я была в полном шоке. Мне казалось, что он выберет ту девушку, которая так отчаянно пыталась привлечь его внимание. Но он выбрал меня. Недолго сопротивляясь и подбирая идеальную отмазку, я решила согласиться, потому что боялась, вдруг профессор Хейс нажалуется декану и меня отчислят или он вообще будет гнобить меня весь год.

После пар я договорилась встретиться с ребятами дома у парней, где была впервые. Это была трехкомнатная квартира в спальном районе в двадцати минутах пешком до университета, но они всегда передвигались по городу на машине Оскара — красный плимут фьюри, точь-в-точь как в книге «Кристина». В квартире был порядок, на моё удивление. Комната Ноа, где мы сидели и ели китайскую лапшу, было много постеров хорроров разных эпох, коричневый диван и телевизор, который всегда был включён и показывал разные фильмы. Комната Оскара была заполнена стеллажами с виниловыми пластинками, к которым он очень трепетно относился. Также там была двуспальная кровать и письменный стол со стулом, на котором лежали кодексы и учебники по праву. Третьей комнатой была кухня, которой они пользовались крайне редко, в основном парни питались доставкой.

Я решила поделиться с ними сегодняшней новостью, которая шокировала их не меньше, чем меня. Ноа даже подарил мне перцовый баллончик, по его рассказам, он когда-то спас его жизнь и помог убежать от компании пьяных подростков. Именно в тот день он получил шрам на подбородке. Я поклялась быть очень осторожной и рассказывать им о всех подозрительных вещах.

Той ночью я долго размышляла о нашей дружбе, о нашей сплоченности. Неужели я наконец нашла то счастье, которое так долго искала?

3

Работа над пилотным проектом профессора Хейса, который назывался «Нарративные конструкции травмы в автобиографической прозе и их корреляция с диссоциативными симптомами», была довольно интересной. Мы анализировали расшифровки глубоких интервью с добровольцами о пережитых травмирующих событиях. Моей задачей являлось кодирование текстов по психологическим параметрам (например, упоминание деперсонализации или амнезии), а Хейса — искать литературные паттерны, метафоры, которыми язык обволакивает травму. Исследования проводились в его кабинете, который был наполнен огромным количеством методичек, папок, книг, некоторые из-за отсутствия места на полках лежали небольшой стопкой на полу и рядом с его письменным столом.

Во время работы он себя вёл весьма уважительно, сосредоточенно. С ним было очень комфортно. Хейс делился со мной различными статьями, советовал книги, которые могли бы быть использованы в проекте. Темами наших разговоров были исключительно о проекте. Я видела, как ему был важен этот проект. Позже он поделился, что при одобрении этого научного исследования, его могут перевести в другой университет, чего он очень сильно хотел.

В декабре наш проект должен был быть уже готов, времени было вагон, поэтому около месяца мы работали не спеша. Я приходила к нему в кабинет после пар около трех раз в неделю.

Однажды, Хейс попросил меня разобрать старые архивы, вдруг получится найти что-нибудь для проекта. Я наткнулась на старую папку с пометкой «Пилотные тесты, 2005-2007». Внутри было несколько расшифровок с пометками двумя разными почерками. Один из них — аккуратный и мелкий — принадлежал Хейлу, его я узнала сразу. Другой был агрессивным, угловатым, с резкими, подчеркивающими фразами «ЛОЖЬ!» и «Я ЗДЕСЬ!». Данный документ мне показался довольно жутким, поэтому я решила спросить о нём Хейла. Этот эпизод я запомнила на всю жизнь. Он с дрожью в руке забрал у меня папку:

— Неудачная методология ранних лет. Коллега помогал. Давайте сосредоточимся на текущем материале, — его лицо в этот момент было белое, как снег, глаза показывали ужас.

До конца дедлайна оставалась неделя, что очень напрягало Хейла. Была пятница, в этот день недели все корпуса университета закрывались на санобработку в шесть часов вечера. После третьей пары в коридоре меня поймал Хейл, выглядел он очень измотанным и нервным:

— Людовика, сегодня последний день нашего исследования, что меня очень сильно напрягает. Я... я не могу допустить смерть проекта, ты же знаешь, как он важен для меня и твоего будущего в том числе, — он начал колебаться, затем сжалившись, продолжил, — У меня дома есть весь необходимый архив. И тишина. Это непрофессионально, я знаю, но иначе мы не успеем. Я приготовлю кофе, мы поработаем пару часов и закончим. Я живу в пятнадцати минутах ходьбы от университета. Адрес пришлю на почту.

Меня очень насторожило это предложение. В галерее моего телефона всё ещё находилось видео с клуба. Напоминание о нём словно кричало в моей голове, отговаривало. Но другая сторона моей души, измотанная и поглощенная работой над этим проектом, требовало согласиться, что я и сделала.

Когда парни провожали меня с Хлоей до общежития, я посчитала необходимым поделиться с ними этой новостью.

— Ты уверена? — спросила меня Хлоя.

— Будь осторожней, — сказал Ноа.

— Перед тем, как зайдешь к нему домой, включи запись диктофона, мало ли что, — посоветовал Оскар.

Я перекусила греческим йогуртом с яблоком и собрала сумку, положив туда ноутбук и несколько папок, связанных с проектом. Закрывая дверь, ко мне в голову, будто сигнал,

пришло сообщение: баллончик, перцовый баллончик. Я сначала колебалась, уже собиралась уходить. Дойдя до лестничной клетки приняла решение вернуться и забрала его.

Профессор Хейл жил на окраине города в одноэтажном небольшом кирпичном доме с шоколадной крышей и панорамными окнами. Перед тем, как постучать в деревянную входную дверь, я вспомнила про совет Оскара и включила запись диктофона. Сделав глубокий тяжелый вдох, я издала два стука. Дверь Хейл открыл через двадцать секунд и встретил меня со своей коронной ослепительной улыбкой и уставшими потускневшими голубыми, хотя скорее серыми глазами.

Меня тут же окружил запах только что испеченной выпечки, скорее всего с использованием ванилина. Профессор увидел моё задумчивое лицо и сказал:

— Жена испекла для школьной ярмарки, я сам сижу мучаюсь. Кофе?

— Не откажусь, спасибо.

Пока профессор был в роли бариста, я осторожно осматривала гостиную, где по словам Хейла будет проходить наша работа. В комнате было немного мебели, но довольно уютно: большой телевизор, висевший над низкой белой тумбой, на которой стояла картина в черной широкой раме, изображавшая счастливую семью на берегу озера: Хейл, его жена, смуглая брюнетка с роскошными локонами, и два близнеца, копии матери. Напротив телевизора был темно-серый длинный диван, а рядом большой прямоугольный журнальный столик. Позади дивана был огромный стеллаж, забитый различной литературой, а возле двери висела картина, на которой было изображено озеро, окруженное голыми горами. Картина была написана маслом. В правом нижнем углу картины было написано аккуратным почерком, которого я прежде не видела, «Хейл».

— Хобби жены. Это моя самая любимая её картина, — сказал профессор, держа в руках две белые кружки, в которых дымился ароматный напиток.

— Очень красивая, — поделилась я своим мнением.

Затем мы приступили к проекту. Работа шла продуктивно. Время от времени я начала замечать, что Хейл постоянно тёр виски, делал паузы, было видно его напряжение. Примерно через час начали происходить более странные вещи.

— Этот респондент не помнит нападения, но описывает ощущение, будто за ним наблюдает кто-то другой, будто это происходит не с ним. Классическая диссоциация, — сделала я замечание об одном из интервью.

Хейл резко замолк. Он встал и подошёл к стеллажу.

— Нужно что-то покрепче кофе, — сказал он, но его голос заметно изменился, стал грубее. Он взял стакан с полки и налил себе виски.

Когда он обернулся, я была поражена: его лицо изменилось. Конечно, не в прямом смысле поменялось, но различия присутствуют: брови стали более напряженные, взгляд стал хмурый, глаза болезненно-синие, а грациозная осанка превратилась в знак вопроса. Он смотрел на меня хищным взглядом.

— Диссоциация, говоришь? — произнёс он. — Интереснейшая штука. Как будто в тебе живёт незнакомец. И порой, он хочет того, чего «ты» никогда не позволишь себе хотеть.

Он сделал шаг вперед. Меня словно парализовало, я даже слово сказать не смогла. Он приближался ко мне, параллельно рассказывая о какой-то «тьме», о том, что она есть в каждом человеке и прочий бред, который с трудом укладывался у меня в голове. Я попыталась вернуть разговор в более профессиональное русло, говорила про дедлайн, про важность проекта, но всё было без толку. Он лишь посмеялся, а затем сказал:

— Дедлайн? Детка, мы только подбирается к самому интересному исследованию. Эмпирическому. Ты такая особенная. Красивая. У меня ещё не было опыта с итальянками.

Мужчина начал трогать меня за плечи, пытался обнять. В этот момент я поняла, что в клубе я видела не профессора Хейла, а его вторую личность. Вот о ком эти слухи. Вот о чем

была та папка. Звонок, который испугал Хейла на первой лекции, скорее всего был от его врача. Я начала сопротивляться, а затем резко оттолкнула его, собрав все силы. Воспользовавшись моментом, я попыталась выбежать из комнаты, но он был быстрее меня и заблокировал выход. Быстро достав из кармана толстовки перцовый баллончик, я брызнула ему прямо в лицо. Он заорал, словно дикий зверь и толкнул меня со всей силой. Я больно упала на спину, задев рукой картину, которая до этого стояла на тумбе, и она приземлилась над моей головой. Хейл, а точнее, его альтер, продолжал скулить от боли и держать ладони, прикрывая глаза. Я немедленно взяла картину и ударила прямо ему в голову, попав в лобную часть головы. Он стал ещё свирепее и схватил меня за ногу. Я пискнула от испуга. Затем последовал ещё один удар ему в висок. Он медленно опустил руки, а после громко упал лицом вниз. Я снова пискнула. Под его головой показалась небольшая лужа крови. Прикоснувшись указательным и средним пальцами к его правой сонной артерии, я убедилась в отсутствии пульса. Профессор Хейл мёртв.

На меня напала паника и миллион вопросов. Что я только что увидела? Вдруг сейчас придет его жена с детьми и увидят тело? Что мне сказать? Меня посадят? Я взяла телефон и с облегчением вздохнула, ведь всё было записано на диктофон. Набрала Хлою. Пока ждала появления гудков, увидела разбитую картину, которая стала орудием убийства. Меня снова охватил страх.

— Аллю, — слышался родной в чужой стране голос.

— Mamma mia...

— Людовика?

— Здесь что-то не так. С ним что-то не так было. Я ударила его. Пульса нет. Он... он был другим — протараторила я, еле сдерживая слезы.

— Мы с ребятами выезжаем. Какой адрес?

Через двадцать минут казались вечностью. Всё это время я сидела на полу и смотрела на картину, которая стала орудием убийства. Я тогда ни о чем не думала. Ноль эмоций. Потом слышался звонок в дверь. Я испугалась. Вдруг это его жена? Посмотрела незаметно в окно. Троица стояла у порога. Я открыла дверь и заревела.

— Меня посадят! Что я наделала! Я не хотела его убивать!

— Не кричи, а то сейчас тебя реально посадят, — сказала Хлоя закрыв мне рот ладонью.

— Где он? — спросил Оскар.

— В гостиной.

— Я реально как в кино! — сказал Ноа, и поспешил в гостиную. Когда я с Хлоей пришли на место преступления, мы увидели сидящего на корточках Ноа рядом с лужей собственной рвоты.

— Как в кино, говоришь? — сказал Оскар.

— В кино хотя бы трупы не настоящие! Чем ты его оглушила? Он раза в два тяжелее тебя!

— Картина, — сказала я. Ребята посмотрели на орудие убийства и опешили.

— И что мы будем делать? — спросил Ноа.

— А ты думаешь зачем мы заезжали в магазин за отбеливателем? Нет тела — нет дела. — сказала Хлоя, сохраняя спокойствие.

— Можно инсценировать «побег» Хейла, а его труп увезти ко мне на ферму. Час езды. Свины свою работу сделают. — Предложил Оскар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.